

Батурина Надежда Викторовна

СМЫСЛОВЫЕ ДОМИНАНТЫ ПРОЗЫ Л. М. ЛЕОНОВА

В статье анализируются вставные конструкции в произведениях Л. М. Леонова 1920-х годов, осмысливаются их философская глубина, многозначность, фольклоризм. В связи с этим раскрывается опора автора на нравственно-философские представления народа, рассматриваются заимствования мифологических и фольклорных мотивов, а также использование жанровой модели в качестве организующей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/11/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (101). С. 17-19. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Но далеко не все морские сражения проходили в соответствии с выработанными канонами. Характер столкновений практически всегда зависел от погоды и конфигурации береговой линии, поскольку сражаться предпочитали обычно в прибрежных водах, и, при неблагоприятном исходе боя, солдаты (*эпибаты*) и матросы побежденной стороны причаливали к берегу, бросали свои суда и искали спасения на суше. Однако победители могли не ограничиваться захватом брошенных врагом судов, но, высадив десант, продолжать преследование на земле [12, с. 398].

Вплоть до битвы при Акции (31 г. до н.э.) морские войны играли огромную роль в истории античных государств. Морское господство обеспечивало не только политическую гегемонию в регионе, но и позволяло контролировать торговые пути, а, следовательно, оказывало мощное воздействие на экономическое состояние государств. Поэтому способы достижения победы на море играли не меньшую, а подчас даже большую роль, чем победы, одержанные в сухопутных сражениях.

Список литературы

1. **Аппиан.** Римские войны / пер. С. А. Жебелева, С. П. Кондратьева. СПб.: Алетей, 1994. 783 с.
2. **Болдырев А. В., Боровский Я. М.** Техника мореходства // Эллинистическая техника: сборник статей / под ред. академика И. И. Толстого. М. – Л., 1948. С. 326-336.
3. **Геродот.** История: в 9-ти кн. / пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. 600 с.
4. **Гомер.** Илиада / пер. Н. И. Гнедича; изд. подг. А. И. Зайцев. Л.: «Наука» (Ленинградское отделение), 1990. 572 с.
5. **Записки Юлия Цезаря и его продолжателей** / пер. и комм. академика М. М. Покровского. М.: Научно-издательский центр «Ладомир»; Наука, 1993. 559 с.
6. **Ксенофонт.** Греческая история / пер. С. Я. Лурье. СПб.: Алетей, 1993. 444 с.
7. **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания: в 2-х т. М.: Наука, 1994. Т. I. 704 с.
8. **Полибий.** Всеобщая история: в 3-х т. / пер. Ф. Ф. Мищенко. СПб.: Наука; Ювента, 1994. Т. I. 496 с.
9. **Снисаренко А. Б.** Эвпатриды удачи. Трагедия античных морей. Л.: Судостроение, 1990. 416 с.
10. **Тит Ливий.** История Рима от основания города: в 3-х т. М., 1993. Т. III. 768 с.
11. **Флавий Вегеций Ренат.** Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. Вегеций / пер. С. П. Кондратьева. СПб.: Алетей, 1996. С. 153-306.
12. **Фукидид.** История / пер. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Наука; Ювента, 1999. 590 с.
13. **Jal A.** La flotte de César. Paris: Firmin Didot frères, files et C, 1861. 430 p.
14. **Rougé J.** La marine dans l'antiquité. Vendôme: Presses Universitaires de France, 1975. 216 p.

PREPARATION, PROSECUTION AND CHARACTER OF SEA BATTLES IN ANCIENT TIMES

Bannikov Andrei Valer'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Gorbacheva Yuliya Gennad'evna
 Saint Petersburg State University
 elephantomasha@mail.ru; jgor439@yandex.ru

In the Greco-Roman period sea battles played an important role in military history. To achieve victory antique admirals had to obey certain rules that had been developed as a result of the centuries-old practice of fighting prosecution. First of all, it was important to determine the place and time of the upcoming conflict with the enemy. Among the tactical methods of fighting prosecution two most commonly used ones were 'diekpl' and 'peripl'. During the first one ships sailed through the battle line of the enemy breaking the oars of its vessels. The second one meant the enemy encirclement.

Key words and phrases: navy; sea battles; ships; diekpl (frontal line breakthrough); peripl (encircling the enemy with moving ships); signal purple admiral (Phoenician) flag.

УДК 82

Филологические науки

В статье анализируются вставные конструкции в произведениях Л. М. Леонова 1920-х годов, осмысливаются их философская глубина, многозначность, фольклоризм. В связи с этим раскрывается опора автора на нравственно-философские представления народа, рассматриваются заимствования мифологических и фольклорных мотивов, а также использование жанровой модели в качестве организующей.

Ключевые слова и фразы: творчество Л. М. Леонова; литература 1920-х годов; рассказ; подтекст; «логарифмирование»; фольклорная традиция; фольклоризм; жанр притчи; вставные новеллы.

Батурина Надежда Викторовна, к. филол. н., доцент
 Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске
 baturina775@gmail.com

СМЫСЛОВЫЕ ДОМИНАНТЫ ПРОЗЫ Л. М. ЛЕОНОВА[©]

Вставные эпизоды, органично вписывающиеся в произведения Л. М. Леонова, служат для решения философских и общечеловеческих проблем, для выражения взглядов автора и героев и создаются на основе

крестьянского сказа, славянской мифологии, библейских легенд. Леоноведы называют их по-разному – притчами, легендами, сказаниями, вставными новеллами (рассказами), вводными эпизодами (фрагментами), «поэтическими уравнениями», «объемными капельками». Исследователь Л. П. Якимова назвала их «НЛЮ» (неопознанные литературные объекты) [7]. Сам автор называл их «маленькими сказаниями». Л. М. Леонов подчеркивал, что в прозе Л. Н. Толстого есть чисто отвлеченные произведения с общехристианской идейной устремленностью, отличающиеся лаконизмом. Глубина их содержания давала право Л. М. Леонову назвать их бочонком живой воды, к которому полезно иной раз прильнуть пересохшими устами. Л. М. Леонов, как и Л. Н. Толстой, «...при помощи этих маленьких, на один глоток, сказаний... стремился утолить извечную человеческую жажду правды и тем самым начертать подобие религиозно-нравственного кодекса, способного разрешить все социальные, международные, семейные и прочие, на века вперед, невзгоды, скопившиеся в людском обиходе от длительного нарушения ими некоей божественной правды» [4, с. 422-423].

Действие во вставных новеллах обычно развивается в направлении от настоящего к прошлому, иногда очень отдаленному. Л. М. Леонов стремился важные положения представить «логарифмически», создать емкие образные формулы. Использование таких конструкций позволяло писателю, опираясь на народную мудрость, в индивидуально-иносказательной форме выразить свои морально-философские суждения, а в дальнейшем – углубить их. Л. М. Леонов стремился к объединению легенд и притч в целостную систему.

Впервые вставной эпизод у Л. Леонова появился в рассказе «Уход Хама» (О похищении Земли). Важная роль принадлежит таким конструкциям в повести «Петушихинский пролом». Образ Алеши Хараблева вызывает фольклорные ассоциации. Данного персонажа можно соотнести с образом Алексея божия человека из духовных стихов. В фольклоре этот герой предстает носителем гуманистической идеи глубокой любви ко всем людям. В повести есть еще один образ, играющий важную роль, – Егорий. Он сохраняет качества христианского святого и удалого молодца. «Три символические встречи Алеши обрамляют историческую ломку крестьянской психологии и вносят в нее новый смысл. В этих встречах – метафора ломки крестьянской жизни: потеря радости человеческой, разрушение земли (мироустройства), потеря веры» [6, с. 191].

Важную роль вставные новеллы играют в романе «Барсуки». Многие из них имеют символическое предварение. Одной из них – «Про руку в окне» – предшествует спор мужиков, закончивших строительство землянок, о предназначении человека, о смысле жизни. Прохор Стафеев утверждает: «Человек – что цветок. Как родился – помирать начал. Он всю жизнь и помирает, отбавляет от себя цвет день за днем. Он затем и родится, чтоб помереть» [2, с. 209]. Юда не соглашается и в подтверждение своих слов равнодушно рассказывает историю из собственной жизни о трагической судьбе гимназиста, пытающегося попасть в вагон и добыть хлеба для умирающей с голоду матери.

Вставные конструкции имеют свои жанровые особенности. «Про руку в окне» – это рассказ об одном конкретном случае из жизни, близкий к устному рассказу в фольклоре. «Про немочку Дуно» – сложнее, чем устный рассказ. Верно отмечено, что «...в повествование входят элементы физиологического очерка о быте петербургских извозчиков, очерчен образ ночного города, прослежена судьба маленького человека в нем. Одним словом, новелла приближается к сжатой повести социально-психологического направления» [1, с. 55]. Форма воспоминания-мемората, эмоциональность и взволнованность речи рассказчика, установка на достоверность сближают ее со сказом и устным рассказом. Писатель-гуманист приводит читателей к закономерному выводу: человек рождается для того, чтобы жить и выполнить свое предназначение.

Вставные эпизоды помогают глубже проникнуть в содержание произведения, осмыслить их причины и следствия поступков героев. Новелла «Про 1905 год» – это рассказ Семена Рахлеева о событиях в деревне, раскрывающий истоки ненависти главного героя к городу. В «Истории Зинкина луга» автор раскрыл истоки конфликта крестьян Гусаков и Ворон. Рассказ о быте и развлечениях помещиков Свиноулина насыщен иронией, гротеском, гиперболами. Описания внешности, сравнения с животными, косвенная характеристика героев через описание связанных с ними предметов выдержаны в фольклорной традиции. «Историю Зинкина луга» Л. М. Леонов создавал, опираясь на народные сказки и предания. Писатель стремился к указанию имен участников, времени, места действия, локализации событий, к изображению типического посредством конкретного, к оценке происходящего с точки зрения современности. В художественное полотно романа вплетается множество рассказов-монологов, более или менее напоминающих устные рассказы: воспоминания, размышления, различные истории, анекдоты. Важную роль в романе играют слухи, которые также являются проявлением творческих способностей народа.

Смысловой глубиной и многозначностью отличается притча «Про неистового Калафата», созданная на основе мифа о Вавилонской башне. Она представляет собой образное, символически заостренное, «логарифмированное» воплощение философского смысла романа и сконцентрированное выражение авторской позиции. Калафат стремится вперед и вверх, к намеченной цели. Эгоист, обладающий властью, посягнувший на земное и небесное мироустройство, приносит зло окружающим. Деятельность Калафата антигуманна. Если человечество позволит взять власть в свои руки таким диктаторам, его ждут большие опасности, ведь Калафат на своем пути пренебрегает верой, наследием отцов, житейским опытом, мнением людей. Легенда о Калафате по своим литературным признакам ближе всего к жанру притчи: здесь исключительно заострена авторская мысль, содержание отличается особой яркостью и экспрессивностью, повествование движется по параболе и заканчивается ясными, четкими выводами и назидательной концовкой, используются особые способы художественной выразительности. Жанровая форма притчи, особенности содержания и формы дали автору возможность больших философских обобщений.

С данной вставной новеллой перекликаются притчи в романе «Вор». Спор о путях человеческого прогресса, начатый в «Барсуках», в этом произведении продолжают серьезный и рассудительный слесарь Емельян Пухов и сочинитель Фирсов. Пухов рассказывает историю изгнания из рая Адама и Евы. Доверившись проводнику, они попытались вернуться в райский сад окольной дорогой и вновь обрести бессмертие. Библейская легенда о первородном грехе и потерянном рае переосмыслена Пуховым в притчу о человечестве, сбитом с истинного пути, и наполнена традиционными мифологическими мотивами.

С данной притчей связана вторая пуховская притча. На первый взгляд, она будто бы адресована Векшину, который после долгих, мучительных раздумий о жизни пришел к старику за советом. С течением времени понял Емельян простые истины: «хромит чужая воля», «из чужого ковшика не напешься, а умный с книгами только советуется» [3, с. 352]. Внешне непритворная притча имеет глубокий смысл и играет важную роль в романе. Она концентрирует в себе множество мифологических и историко-литературных источников, в том числе вбирает мировой сюжет о «хромоте героя», имеющий фольклорные и религиозные истоки. Миф о падшем ангеле, появившийся в ранних произведениях Л. Леонова, был соотнесен в «Воре» с судьбами героев и расширен до философского осмысления вечного конфликта добра и зла, света и тьмы. Легенда о Калафате и притчи Пухова тесно взаимосвязаны между собой по содержанию и по мифологической основе. К ним примыкает и другая притча, вложенная в уста Пухова в повести Фирсова, – о Люцифере и Бользызубе, о мировой схватке добра и зла. Согласно ей, утверждаемое усилием добро превращается в зло. В романе «Вор» есть и другие вставные эпизоды, воспроизведенные другими героями. Символический смысл приобретают рассказанная Манюкиным притча об усмирении строптливом коня и любовная история Ксении.

Вставные конструкции давали автору возможность перейти к широким обобщениям, соотнести современные ценности и представления с вечными, общечеловеческими, накопленными веками, а потому самыми ценными и сокровенными. Как справедливо подчеркивает Н. А. Непомнящих, притчевые истории «доминируют над событийным планом. Они словно подсвечивают его, помогают его толковать» [5, с. 148]. По мнению исследователя, они и есть тот фокус, который задает угол зрения, собирает воедино вроде бы случайные разрозненные события и героев, иногда мало или вовсе не связанных сюжетом. «А если отвлечься и посмотреть на творческое наследие писателя “панорамно”, целиком, то вдруг обнаруживается, что вводный эпизод чуть ли не доминанта всей поэтики, значение которой в позднем творчестве нарастает» [Там же].

Итак, вставные конструкции, созданные чаще на основе мифологических и фольклорных мотивов, органично вливаются в структуру произведений, обогащают повествование ретроспективными связями, замедляют развитие действия, заостряют авторские мысли, подчеркивают их важность в структуре произведений. Отдельный, внешне малозначительный эпизод служит формой выражения более общего смысла, актуального всегда, дидактического и морально-этического вывода, скрытого иногда в подтексте. Именно это делает леоновские произведения ценными и современными в разные исторические периоды.

Список литературы

1. Дарьялова Л. Н. Философская проза в современной русской литературе 20-30-х годов. Калининград: КГУ, 1988. 77 с.
2. Леонов Л. Барсуки // Леонов Л. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 328 с.
3. Леонов Л. Вор // Леонов Л. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 3. 614 с.
4. Леонов Л. Публицистика // Леонов Л. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 10. 631 с.
5. Непомнящих Н. А. Художественный мир Л. Леонова сквозь призму вводного эпизода (Якимова Л. П. Вводный эпизод как структурный элемент поэтики Леонида Леонова. – Новосибирск, 2012) [Электронный ресурс] // Филологический класс. 2013. № 1 (31). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-mir-l-leonova-skvoz-prizmu-vvodnogo-epizoda-yakimova-l-p-vvodnyy-epizod-kak-strukturnyy-element-poetiki-leonida-leonova> (дата обращения: 25.10.2015).
6. Туева А. О. Разновидности хронотопа в рассказах Л. М. Леонова 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. 1. С. 195-200.
7. Якимова Л. П. Вводный эпизод как структурный элемент художественной системы Леонида Леонова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 251 с.

L. M. LEONOV'S PROSE SEMANTIC DOMINANTS

Baturina Nadezhda Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Birk
baturina775@gmail.com

The paper analyzes the insert structures in L. M. Leonov's works of the 1920s, conceptualizes their philosophical depth, ambiguity, folklorism. In this regard, the article reveals the author's reliance on the moral-philosophical ideas of common people, considers the borrowings of mythological and folk motives, as well as the use of the genre model as an organizing one.

Key words and phrases: L. M. Leonov's creativity; literature of the 1920s; story; subtext; "logarithmation"; folklore tradition; folklorism; genre of parable; insert novellas.